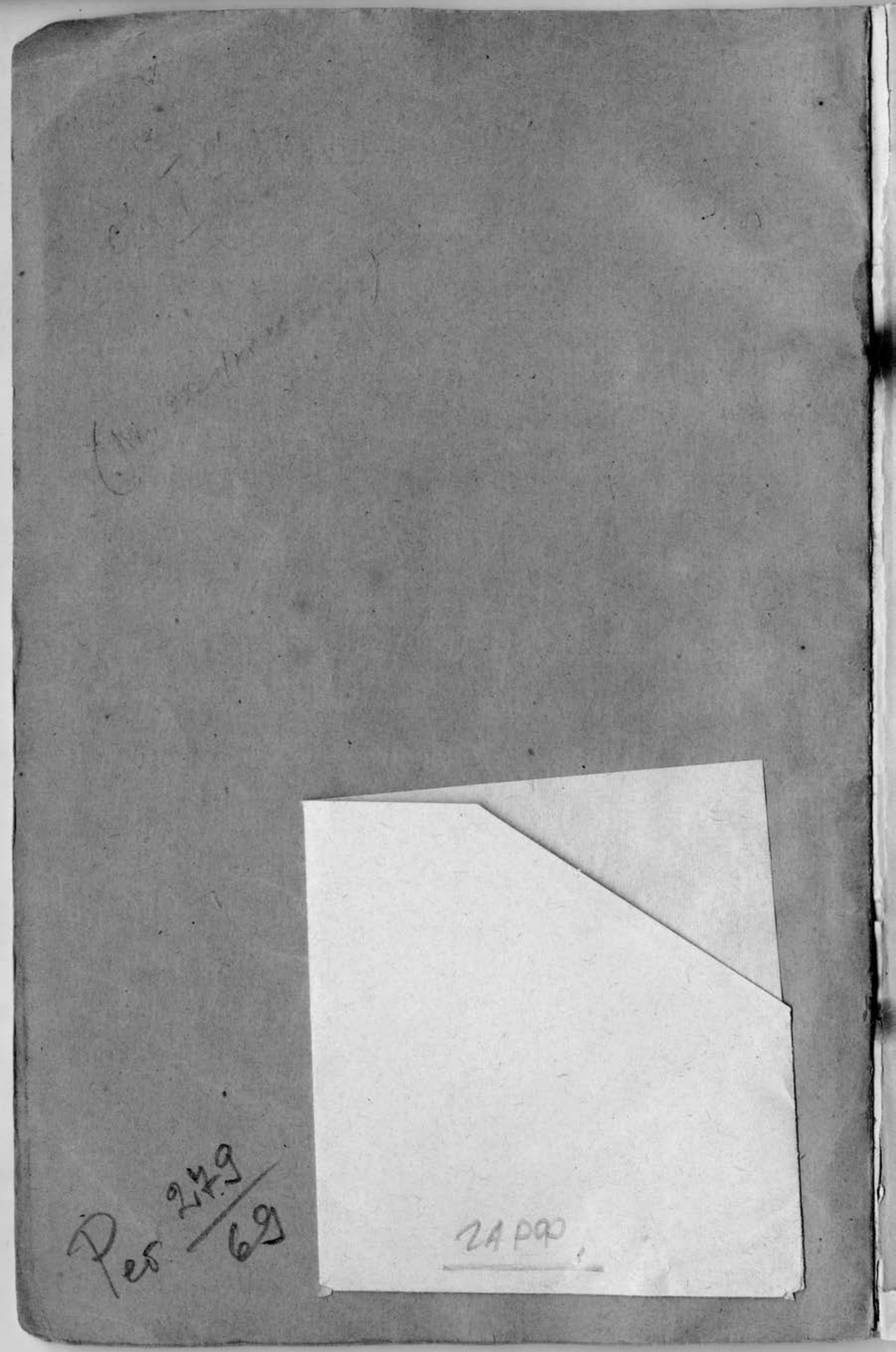
Г. СЕМЕНОВ (ВАСИЛЬЕВ)

Военная и боевая работа
Партии Социалистов-Революционеров за 1917–18 г.г.

цена 12 марок

БЕРЛИН 1922



Г. СЕМЕНОВ (ВАСИЛЬЕВ)

Военная и боевая работа
Партии Социалистов-Революционеров
за 1917—18 г. г.

цена 12 марок

БЕРЛИН 1922.
Типография Г. Германн.

Вместо предисловия.

Мысль о необходимости предать гласности одну из темных страниц в деятельности П. С.-Р. за последние годы мучала меня уже давно. После тяжелых моральных переживаний, я решил опубликовать эти воспоминания, т.-е. оказаться в роли предателя по отношению к партии, с которой я за последние годы был кровно связан и которой я отдавал все свои, правда небольшие, силы.

П. С.-Р., по моему глубокому убеждению, с начала Февральской Революции, играла все время контр-революционную роль, дергая, по меткому выражению Виктора Чернова, рабочий класс «за фалды» при помощи пушек и пулеметов, прибегая к методами абсолютно недопустимым и недостойным Социалистической Партии.

Мои воспоминания раскроют глаза всем трудящимся на истинную роль П. С.-Р. в борьбе против русского трудового народа. Перед всеми же рядовыми членами П. С.-Р они обнажат подлинную, неприкрашенную сущность Центральнаго Комитета П. С.-Р. и его моральную ценность.

Пусть социалистические партии всего мира, а в частности все увлеченные лживыми лозунгами П. С.-Р., узнают всю правду о тех, кто на весь мир вопит о чистоте своих риз и о том, что их, невинных младенцев, держат за семью замками в Бутырской тюрьме. . .

Каждый честный революционер, прочитав мои воспоминания, поймет, что я обязан был их опубликовать. Для меня же лично этот вопрос совершенно ясен, ибо в своей многолетней революционной деятельности я всегда и прежде всего руководствовался интересами Революции.

Я твердо верю, что мой шаг облегчит переход в лагерь Революции тех из моих бывших соратников по П. С.-Р., которые уже давно почувствовали всю фальшь своего двусмыслен-

ного положения, которые давно поняли, что они являются игрушками в руках нескольких политиканов, но которым не хватает решимости открыто порвать со своей партией, признаться в своих ошибках и честно слиться со всеми истинными борцами за заветы Революции.

Должен оговорится, что в своих воспоминаниях я допускаю возможность некоторых недочетов и мелких неправильностей (даты и т. д.), которые я, в случае их обнаружения, постараюсь исправить. Что же касается основных фактов, то они изложены мною безусловно правильно.

* * *

Я открыто заявляю, что несу больше, чем кто либо другой, ответственности за содеянные П. С.-Р. преступления. Я эту ответственность перед Русской Революцией с себя не слагаю и по первому требованию Верховного Революционного Трибунала сочту себя обязанным вернуться в Советсткую Россию и понести заслуженное мною наказание.

Февраль, 1922 г. **Гр. Семенов (Васильев).**

Военная и боевая работа Партии Социалистов Революционеров в 1917-18 гг.

I.

В ночь Октябрьского переворота в Партии Социалистов Революционеров царили полная растерянность и организационный хаос. Пленум Ц. К. безпрерывно заседал, не приходя ни к каким определенным решениям. Для большинства военных работников было ясно одно: необходимо, не теряя ни минуты, организовать стоявшие под Петроградом войска и двинуть их на Петроград; настроение многих частей армии, по сообщению делегатов 2-го с'езда Советов, — вполне соответствовало этому.

Считая это единственным реальным выходом, я на утро после переворота выехал в Псков — в штаб Северного фронта. Явившись в Пскове к комиссару северного фронта Войтинскому для выяснения вопроса, на какие части войск можно прежде всего опереться, — я узнал от него, что в Пскове уже был Керенский, что Войтинский и Керенский решили двинуть на Петроград 3-ий конный корпус, и что Керенский вместе с Красновым уже выехали в штаб этого корпуса.

Я считал этот шаг неудачным: корпус состоял из наиболее реакционно настроенных донских казаков, и Керенский среди них совершенно не пользовался популярностью (в связи с Корниловским походом на Петроград). Однако, считаясь с фактом, я по предложению Войтинского, в ту же ночь выехал в штаб корпуса (в Остров) в качестве комиссара корпуса. В штабе я узнал, что Керенский вместе с командиром корпуса и 4-мя сотнями казаков выбыл уже в Гатчино. Начальник штаба корпуса сообщил мне, что командир, уезжая, оставил боевой приказ — двинуть и остальные части корпуса, но, что сотни, которые, согласно приказу, должны быть двинуты в первую очередь, не хотят итти, отказываясь выступить против Петроградских рабочих.

Я об'ехал три-четыре сотни, стоявшие под Островом; созвал собрания их и, выступая от имени Ц. И. К., убеждал казаков в

необходимости выступления, говоря, что большевистский переворот является насильственным захватом власти кучкою Петроградских рабочих; что этот захват, вызвав неизбежно гражданскую войну, обнажит фронт и погубит революцию; что большинство пролетариата и все крестьянство на нашей стороне.

Подавляющее большинство казаков голосовало за выступление. На другой день четыре сотни (приблизительно) были отправлены на Гатчино. Туда же выехал и я вместе со штабом корпуса. Выяснив в Гатчине, что Керенский со своим штабом уже в Царском Селе, я направился туда.

Настроение первых двух сотен казаков, отправляемых на Петроград, перед которыми я, как комиссар корпуса, держал речь, было вялое, под'ема не было совершенно. Керенский нервничал: отношение к нему казаков было враждебное.

В тот же день в Царское приехал Гоц и член Ц. К. П.-С.-Р. Фейт. Оставив Фейта в Царском «организовывать общественное мнение», мы с Гоцем отправились на автомобиле на фронт. Верстах в трех от Царского шло наступление на Петроград. Происходил обстрел Пулкова, и одна или две сотни конных казаков двигались на Петроград в обход Пулкова. Конная атака была отбита.

В тот же день стало ясным, что наши силы недостаточны; в нашем распоряжении были лишь две батареи артиллерии и не более семи сотен казаков. Пехота, которая якобы, по сообщению Войтинского, пробивалась к нам на помощь с Западного фронта, не подходила и не было в точности известно, где она; чувствовалось явное недовольство казаков своим одиночеством. К тому же Гоц получил сообщение из Царского Села, что один из стоявших там запасных пехотных полков собирается выступить против нас, ударив нам в тыл.

Гоц и я сразу же выехали в Царское с целью убедить полк в неправильности его намерений. Гоц, будучи уверен в хорошем приеме в полку персонально его, начал свою речь перед полком уверенно, указывая, что он тов. председателя Ц. И. К., что у него в прошлом десятилетняя каторга, но сразу же начался шум, отовсюду раздались враждебные возгласы: «довольно! Не хотим!». Гоц переменил тон, «сбавил», но ему с трудом удалось закончить неоднократно перерываемую речь. Чувствовалась в полку огромная враждебность к Временному Правительству, в особенности, судя по возгласам, к военной политике Керенского. После Гоца выступали разделявшие наши позиции представители полкового комитета, пользовавшиеся в полку персональным авторитетом. С огромным тру-

дом удалось до некоторой степени переломить настроение полка. Гоц уехал в Гатчино на свидание с находившимся там Керенским; надежда его на ликвидацию большевиков путем наступления значительно упала.

На организованном мною заседании Комитета 4-й Донской дивизии 3-го Корпуса при участии моем и Войтинского было выработано возвание «Всем, всем....» с раз'яснением мотивов нашего выступления и с призывом к вооруженной поддержке его; было передано по радио, за подписью Войтинского, моей и Комитета. В виду недостаточности сил и пассивного настроения казаков, решено было (в тот же день) отступить на Гатчино. Отступление произошло ночью.

Войтинский выехал в Псков с целью ускорить продвижение идущих к нам на помощь пехотных частей; по имевшимся у нас сведениям, пехотные части (кажется, 18-й Пехотной дивизии) подходили к Пскову. Я отправился в Гатчино. Ночью в Гатчино на автомобиле приехал Виктор Чернов. Состоялось совещание Чернова с Керенским. Чувствовалось, что Чернов не возлагает больших надежд на наше выступление. У Чернова заметно было стремление не выявлять открыто своей солидарности с Керенским. Утром Чернов выехал в Псков. Дело наше все более клонилось к проигрышу. Пехоты все еще не было. Конные части начинали разлагаться; у них было настроение аппатии к происходящему и враждебное отношение к Керенскому. Прибывшие к Керенскому делегации 5-ой армии и комитета Северо-Западного фронта, упрекая Керенского в том, что он вызывает гражданскую войну, предлагали ему ликвидировать наступление, войдя в соглашение с большевиками. С целью выиграть время Керенский послал на фронт мирную делегацию для переговоров с большевиками.

Между тем запахло военным заговором. Я узнал (через одного из комитетчиков 4-й дивизии), что офицеры Штаба 3-го Конного Корпуса замышляют арест Керенского. В комендантской столовой, куда я отправился, чтобы присмотреться к настроению офицеров, в офицерских группах открыто говорилось о том, что Керенский — «мямля», что он в военном деле ничего не смыслит, что его надо арестовать. Тут же я заметил группу офицеров вокруг Савинкова, в которой велись какие-то секретные разговоры. Посланная Керенским мирная делегация неожиданно вернулась вместе с большевистской делегацией. И скоро между представителями казаков и большевистской делегацией, помимо Керенского, был заключен мирный договор с условием удаления Ленина и Троц-

кого из Правительства — с одной стороны, и выдачи Керенского — с другой стороны. Казаки на мир шли охотно.

Убедившись в неизбежности его выдачи большевикам, Керенский решил скрыться, и я организовал его побег; он бежал в автомобиле, переодетый в одежду одного эсэрствующего матроса.

Приехавший уже после бегства Керенского, Воитинский привез известие, что пехотные части дальше Пскова итти не хотят. Вечером в Гатчино вошли большевистские войска.

* * *

Из Гатчина я вернулся в Петроград. В организовавшемся уже к тому времени Комитете Спасения Родины и Революции и в Ц. К. П. С.-Р. я застал полнейшую дезорганизацию. Создавалось впечатление, что все занимаются безконечными разговорами, но никто не знает, что и как делать. На заседании Комитета Спасения, на котором я присутствовал, один из вернувшихся с фронта комиссаров Комитета — поручик Мазуренко — сообщил, что дивизия, стоявшая под Везенбергом (какая-то дивизия 12-й армии), готова двинуться на Петроград в любой момент, что он не двинул ее лишь в виду отсутствия у него достаточно точных инструкций от Комитета. Сообщение было встречено с восторгом. Мазуренко было предложено отбыть обратно и двинуть дивизию. Впоследствии оказалось, что, когда Мазуренко прибыл в дивизию, дивизия уже «раздумала» итти на Петроград. Были известия, что на Петроград двигается с Южного фронта с ударной дивизией некто Павлов, временно застрявший где-то под Могилевом. Были сообщения, что стоящие под Псковом дивизии настроены против большевиков и что, возможно, их удастся двинуть на Петроград. Считая, что в Петрограде делать нечего, я решил (через день) ехать в Псков организовывать части для похода на Петроград.

В Луге и Пскове я в беседах с группами солдат стоящих там полков и с представителями их комитетов убедился в том, что возлагать надежды на эти полки не приходится; настроение их было колеблющееся, но было много шансов, что они станут на сторону большевиков.

В Пскове я узнал, что в Могилеве создается политический центр, что там обсуждается вопрос о создании общесоциалистического министерства, что Чернов и Гоц ведут там работу по организации военных сил, стремясь опереться в этом на Обще-Армейский Комитет, находившийся в

Могилеве. Я выехал в Могилев и застал там такое положение вещей: шло непрерывное заседание Обще-Армейского Комитета, который никак не мог принять окончательного решения по вопросу о создании общесоциалистического министерства и вооруженном сопротивлении большевикам. Из ответственных партийных работников там были — в ожидании этого решения — Чернов, Гоц, Гернштейн и Авксентьев. В первом же разговоре со мною Гоц, безнадежно махнув рукою, заявил, что Обще-Армейский Комитет бессильно топчется на месте, что, сил в распоряжении Комитета мало и что, очевидно, ничего не выйдет. Чернов, повидимому, в полнейшем моральном и физическом бессилии лежал с компресом на голове. Казалось, что он точно не видит действительного выхода в создании общесоциалистического министерства и не верит в возможность быстрой ликвидации большевиков. Вечером Обще-Армейский Комитет вынес отрицательную резолюцию. Мы решили, что делать нам в Могилеве больше нечего. Я вместе с членом Ц. К. Гернштейном поехал в Петроград. Я считал, что дальнейшие попытки двинуть армию на Петроград являются делом безнадежным, что надо вести работу в самом Петрограде, подготовляя восстание Петроградского гарнизона и Петроградских рабочих.

II.

У Центрального Комитета дальнейших определенных планов борьбы не было. Шла подготовка к 4-му партийному с'езду. Я предложил свои услуги по военной работе и был кооптирован в Военную Комиссию при Ц. К. Комиссия была в хаотическом состоянии: работа почти не велась. Председателем Комиссии был член Ц. К. Гернштейн, но фактически руководителя не было. Наиболее ценные работники, принимавшие активное участие в юнкерском восстании как Краковецкий, Браун, Брудерер принуждены были уехать; наличные члены Комиссии Егоров, Никифоров, Дм. Шрейдер и Утгоф были недостаточно сильны для военной работы. Центром работы Военная Комиссия считала подготовку почвы и организацию военных сил в Петрограде для вооруженной защиты Учредительного Собрания и вооруженной ликвидации большевистской власти; в эту пору мы уже полагали, что Учредительное Собрание будет разогнано большевиками, если не при открытии его, то в ближайшие дни, при неизбежных принципиальных разногласиях между Учредительным Собранием и Советом Народных Комиссаров.

Военная Комиссия при Ц. К. поручила мне реорганизовать находившуюся в состоянии развала Петроградскую военную комиссию. С 10-го—15-го ноября Петроградская военная комиссия принялась за начатую еще до юнкерского восстания, но приостановленную после него, работу завязывания связей в войсках Петроградского гарнизона, агитации в полках за Учредительное Собрание, создания наших партийных ячеек в полках, учета общего настроения Красной Гвардии и оценки, какие части пойдут за нами и насколько они боеспособны и надежны. Особое внимание мы обращали на броневые и технические части и на Семеновский полк.

В полковых комитетах и на общих полковых собраниях мы проводили общую идею защиты Учредительного Собрания, не касаясь вопроса о вооруженном свержении большевиков; на более тесных закрытых собраниях говорилось о вооруженной борьбе с большевиками.

Недели через две, была созвана конференция военных работников, на которой был избран новый, более работоспособный состав Петроградской военной комиссии. В число активных работников Петроградской Комиссии в это время входили — Леппер, Соколов, Бианки, Усенко, Ковалев.

Постепенно были созданы наши ячейки в полках — Семеновском, Преображенском Гренадерском, Измайловском, в Моторно-Понтонном, Запасном Электро-Техническом, в Химическом и Саперных батальонах и в 5-м Броневом дивизионе. Командир Моторно-Понтонного батальона прапорщик Мавринский, тов. председателя полкового комитета Семеновского полка и член комитета Химического батальона Усенко входили в Петроградскую военную комиссию (Усенко, в частности, был секретарем комиссии), численность каждой ячейки была от 10-ти до 40-человек.

На 4-м партийном с'езде было признано, что на военную работу следует обратить особое внимание. Военная секция избрала новый состав Военной Комиссии при Ц. К. В эту комиссию, утвержденную с'ездом, вошли: Дашевский, Соколов Борис, я, Мерхалев Дмитрий (солдат-интелл.), Цион (полковник), Зайцев (солдат-интеллигент), Никифоров (подпоручик), Егоров (поручик), Паевский (военный доктор), Смиренин (солдат-интеллигент). В Бюро комиссии были избраны: Дашевский, Соколов и я. Председателем был Соколов, ему же было поручено руководство Иногородней военной работой. Руководство военной работой в Петрограде поручено было мне; — моим помощником был Мерхалев.

Было решено организовать разведывательный отдел, дабы быть в курсе военных дел большевиков; с этой целью, по предложению Соколова мы отправили в Штаб Красной Гвардии с поддельным письмом офицера-фронтовика, который вскоре занял пост помощника Мехоношина, и, осведомлял нас о состоянии и настроении Красной Гвардии и о местонахождении специально большевистских частей.

Делались попытки завязать через делегатов партийного с'езда связи с армиями, но фактически действительной связи с армией не было.

Был задуман и стал проводиться в жизнь план создания фиктивного солдатского университета под частным флагом; целью университета было стянуть в Петроград к моменту нашего выступления некоторое количество вооруженных солдат, разделявших идею защиты Учредительного Собрания. Университет был рассчитан на 1000—2000 чел.; предполагалось, что солдаты будут приезжать, как делегаты сочувствующих нам полковых комитетов, якобы, для слушания лекций в университете. С'езд в университет должен быть начаться приблизительно к 20-му декабря.

Еженедельно происходили на Галерной так называемые «гарнизонные совещания» представителей полковых комитетов и всех активных работников в воинских частях, независимо от их партийности. На этих совещаниях производился учет наших сил и обсуждались планы дальнейшей работы; собиралось до 50-ти человек. Вопрос о вооруженной охране Учредительного Собрания со всеми вытекающими из этого последствиями здесь ставился открыто.

Параллельно с работой в воинских частях шла работа по созданию боевых рабочих дружин. Организатором их был назначен Паевский, его помощником — Фомин (член Учредительного Собрания). Боевые дружины были созданы при каждом партийном районе. Организованы они были по пятеркам и десяткам, вооружены револьверами, некоторые — бомбами. Связь между центром этой работы и районами была слаба; дисциплина была недостаточна.

Вся военная работа в этот период велась под наблюдением члена Ц. К. Гернштейна.

* * *

К концу декабря положение вещей в отношении нашей подготовленности к выступлению было таково: 5-ый Броневой Дивизион был целиком в нашем распоряжении; командир, ко-

миссар дивизиона и весь дивизионный комитет были всецело нашими; Дивизион готов был выступить по-первому нашему требованию и быть застрельщиком выступления. Весь полковой комитет Семеновского полка был на нашей стороне. Семеновский полк стоял за выступление, но выступить он был готов только при условии, если будет оффициальное открытое предписание о выступлении от фракции С. Р. Учредительного Собрания; при чем, и в этом случае, выступить первым полк отказывался, соглашаясь лишь присоединиться к выступившим частям. В частности, предполагаемое выступление Броневого дивизиона Семеновцы считали достаточным для своего присоединения. Преображенский полк соглашался примкнуть целиком к Семеновскому полку при его выступлении.

Расчеты на Солдатский Университет не оправдались. Приехало только человек двадцать-тридцать солдат с.-р., вооруженных бомбами (бомбы были сперва сложены на курсах Лесгафта, где помещался университет, откуда были перенесены на Галерную, а затем разобраны по рабочим кварталам). Общая численность боевиков-дружинников реально была около 60—80 человек; при чем далеко не все были вооружены. По учету Паевского их было человек триста, но эта цифра не соответствовала действительности.

Было избрано Исполнительное Бюро гарнизонного совещания, в которое вошли я, представитель Преображенского полка и представитель Броневого дивизиона. Исполнительному Бюро было поручено организовать Боевой Штаб, который должен был разработать конкретный план боевых действий выступления и практически руководить выступлением.

Ц. К. предложил Военной Комиссии организовать Боевой Штаб совместно с Комитетом Спасения. При Комитете Спасения был Военный Отдел; в нем активно работали, меньшевики Шеин, Мазуренко и Гомбарт, с.-р. Онипко и Маслов Сергей и н.-с. Сомов. Отдел вел работу, аналогичную нашей, но его работа была налажена весьма слабо. Связи в войсках были, главным образом, персонального характера и реального значения не имели. В распоряжении Отдела была какая-то нелегальная ударная рота и боевая группа, организованная Онипко (численность этой группы мне неизвестна; она себя впоследствии ничем не проявила.

Отмечаю, что среди активных работников Отдела уже в ту пору существовала мысль о приемлимости помощи Союзников в вооруженной борьбе с большевиками. На одном из заседаний Отдела, на котором я присутствовал, Тумаркин

с. д. и Онипко проводили идею «займа» у союзников на организацию военной работы; не отрицали они и интервенции. Единодушия не было, но сочувствие эта позиция встречала.

На совместном заседании Военного Отдела и Бюро Военной Комиссии дня за два до разгона Учредительно Собрания был намечен Боевой Штаб: подполковник Генерального Штаба Пораделов (эсэрствующий, во время юнкерского восстания был членом штаба этого восстания), Онипко и я. Была намечена квартира штаба (угол Бассейной и Литейного). На первом же заседании Штаба по вопросу о конкретном плане выступления — столкнулись две точки зрения — Пораделова и моя. Пораделов предлагал следующий план: учтя точно наши военные силы, мы распределяем воинские части, и та или иная часть, по нашему предписанию, бросается на захват того или другого пункта — Смольного, телефонной станции и пр. Я считал этот план неосуществимым ибо, по моему убеждению, в нашем распоряжении не было войск (кроме Броневого дивизиона), которые двинулись бы по нашему предписанию. Я полагал действовать следующим образом: мы направляем ожидаемую массовую демонстрацию во главе с броневиками 5-го Дивизиона и нашими боевыми дружинами, инсценируя народное восстание, к Семеновскому полку. Семеновский полк, соответственно его настроению, при виде этой картины присоединяется; вместе с Семеновским полком двигаемся к Преображенскому полку, втягивая, по возможности, дорогою колеблющиеся воинские части, примерно — Электротехнический батальон. После присоединения Преображенского полка все движется к Таврическому дворцу. Оттуда начинаются активные действия.

Штаб принял мой план.

* * *

В ночь накануне демонстрации, когда вновь обсуждался на Гарнизонном совещании вопрос о выступлении Семеновского полка, представитель Семеновского полка заявил, что большое значение для активного выступления полка имело бы выступление на полковом собрании известного и любимого в полку с.-р. Лихача от имени фракции с.-р. Учредительного Собрания с открытым призывом к вооруженной защите Учредительного Собрания. Присутствовавший на совещании Лихач согласился. Но, когда этот вопрос был поставлен на обсуждение Бюро Фракции, последнее наложило свое «Veto». Такова же была по этому вопросу и точка зрения Ц. К.

Почувствовав в этом инцинденте какие-то колебания в Ц. К., Военная Комиссия обратилась к членам Ц. К. за точными и конкретными директивами.

Ц. К., взвесив положение вещей и наши реальные силы, ясно учтя необходимость открыто взять на себя руководство выступлением и тяжесть падающей на Партию С.-Р. ответственности, дал нам директивы не приводить в исполнение выработанного Штабом плана выступления. Ц. К. предлагал нам лишь следующее: в случае активного массового выступления, когда войска сами станут на сторону восставших, когда движение выльется в стихийное вооруженное столкновение с большевиками, — взять на себя руководство движением, регулировать его.

В день демонстрации 5-й Броневой Дивизион был наготове к выступлению, ждал лишь нашего предписания. Боевики наши собрались в количестве 60—70 человек в помещении Городского Московского Района. Вооружено было приблизительно половина из них. В комитете Семеновского полка шло беспрерывное заседание: Комитет, не получая прямых точных директив ни от фракции с.-р., ни от Ц. К. П. С.-Р., начал колебаться.

Я считал, что выступление по намеченному нами плану пройдет удачно, но не считал возможным выступить без санкции Ц. К. Согласно директивам Ц. К., мы пассивно выжидали, какие размеры примет демонстрация, в какую форму она выльется.

Вооруженного, массового стихийного столкновения не произошло, и мы бездействовали.

Когда готовились похороны жертв защиты Учредительного Собрания, на Гарнизонном Совещании снова обсуждался вопрос о вооруженном выступлении. В этот день Ц. К. прислал на совещание своего представителя (В. Каплана), который от имени Ц. К. доказывал нам невозможность выступления, ввиду недостаточности наших сил и говорил о необходимости дальнейшей организационной работы.

Подавляющим большинством голосов вопрос о выступлении был решен отрицательно.

III.

После разгона Учредительного Собрания военная работа Партии продолжалась. Ц. К. стал придавать ей большее значение и уделял ей большее внимание. Военной работой стал

руководить член Ц. К. Донской (быв. руководитель от Ц. К. Гернштейн уехал для обще-партийной работы в Киев).

Гарнизонные совещания, в виду их громоздкости, по соображениям конспиративности, были отменены. Агитационная и организационная работа в воинских частях была в целях ее продуктивности распределена по Отделам; были созданы отделы: Красноармейский, Технический, Броневой, Штабной и Окружной. В отделах работали и не члены партии, разделявшие в основном нашу позицию; руководители отделов назначались Бюро Военной Комиссии.

Учитывая постепенное распадение старых полков, как боевых единиц, и значение в будущем формирующейся Красной Армии, мы сосредотачивали особое внимание на работе в Красноармейских частях: на вливании в формирующиеся части возможно большого количества наших людей, подборе нашего командного состава для этих частей и создание наших ячеек.

Как я уже указывал, у нас была связь со Штабом Красной Армии через посланного нами туда офицера, занявшего пост помощника Мехоношина. При посредстве этого офицера мы свободно проводили через Штаб своих людей на ответственные командные посты. Таким образом, состоялся целый ряд желательных нам назначений. Например, был назначен Начальником Штаба Красноармейской Пехотной Дивизии поручик с.-р. Тесленко, а через его посредство командирами двух его полков были назначены с.-ры по указанию Военной Комиссии. Командиром Артеллерийской бригады был назначен полковник Карпов (с.-р.), который подбирал в дальнейшем наш командный состав этой бригады (так, командиром одной из бригадных батарей был прапорщик с.-р. Блюменталь). Командир Химического батальона (меньшевик) получил ответственный пост в Главном Артеллерийском Управлении. Через Районные Партийные комитеты мы производили подбор подходящих работников (в порядке партийной мобилизации), по постановлению Петроградского Комитета и вливали их под видом добровольцев в формирующиеся полки.

В дивизии Тесленко и в бригаде Карпова были созданы наши довольно значительные ячейки.

Первое время (месяца два) Красноармейским Отделом руководил я.

Технический Отдел вел работу в Моторно-Понтонном, в Электро-Техническом и Химическом батальонах. Мы пытались вливать и в них наших людей; но влили только в Электро-Технический батальон человека четыре. Наши ячейки

в этих батальонах продолжали существовать; командиры батальонов и батальонные комитеты были под нашим влиянием. В заседаниях Технического Отдела учавствовали командиры батальонов и представители батальонных комитетов (по одному от каждого). Руководил Отделом Усенко (Член Комитета Химического Батальона, техник-интеллигент).

Броневой Отдел вел работу в пятом Броневом Дивизионе, в Авто-бронировочных мастерских и в Михайловском гараже (Броневой Дивизион, быв. всецело на нашей стороне, через некоторое время был расформирован). Активным работниками Отдела были: Шкловский Виктор, специалист по броневому делу, капитан Келлер, Бергман — броневик из бронировочных мастерских, Калховский — председатель комитета 5-го Броневого Дивизиона и двое солдат — один из мастерских, другой из 5-го Дивизиона. Руководителем Отдела был Шкловский, его помощником Бергман. Броневой Отдел постепенно создал нелегальный запасный броневой дивизион; мы считали необходимым иметь такой свой дивизион на случай нашего выступления. Пользуясь своими связями среди броневиков, Шкловский (он долгое время был солдатом в каком-то авто-броневом батальоне) подобрал своих людей — старых броневиков из 5-го Броневого Дивизиона, из Бронеровочных Мастерских и быв. своего батальона. У нас была подобрана команда для восьми — десяти броневых машин, были наготове свои шоффера, свои пулеметчики и артеллеристы. Некоторые из них получали у нас месячное содержание, некоторые — единовременное пособие. У нас был запас бензина, который хранился в специально для этого снятом гараже.

Во вновь созданных большевиками броневых частях у нас были некоторые связи: нашими были кое-кто из командных лиц и некоторые шоффера. Но вообще здесь наша работа была слаба. Случалось однако, что иногда у броневых машин, стоявших около Троицкого моста в помещении Цирка, дежурили наши люди; в подобных случаях — в момент выступления — машины могли бы быть просто выведены нами в бой; в противном случае наш нелегальный дивизион снял бы дежурных (дежурило обычно один-два человека). В нашем Броневом Дивизионе было человек сорок. Он был вполне надежен и прекрасно дисциплинирован.

Изредка мы устраивали нарочно для испытания дивизиона ложную «тревогу», и дивизион каждый раз являлся весь к указанному часу и на условленную квартиру.

Штабной Отдел вел работу в Генеральном Штабе, в Главном Штабе и в Штабных учреждениях. В Генеральном Штабе была наша ячейка около 20-ти человек, комитет Генерального Штаба был целиком на нашей стороне. В ведении Комитета было около 50-ти винтовок, служивших в Штабе для обучения. В момент выступления все эти винтовки были бы в нашем распоряжении.

Была наша ячейка в Управлении Военных Сообщений. Руководил Отделом Ковалев — член Петроградского Совета (работал в Генеральном Штабе и был председателем Штабного Комитета). Активно работали в Отделе Донченко, Борисенко и Сотников.

Окружной Отдел вел работу в воинских частях, стоявших в Царском, Гатчине, Красном Селе и Ораниенбауме. Наши ячейки были в пехотных запасных батальонах в Красном Селе, в артиллирийских частях в Царском и в школе прапорщиков в Ораниенбауме; руководил Окружным Отделом прапорщик Соколов — член Царскосельского Исполкома. Помощниками его были прапорщики Иванов и Бианки. В задачу Окружного Отдела, помимо завязывания связей и создания ячеек, входила «нейтрализация» стоявщих под Петроградом войск: в момент нашего выступления в Петрограде Отдел должен был помешать стоявшим под Петроградом частям выступить против нас; те части, настроение коих более склонялось в нашу сторону работники Отдела должны были удержать выступлениями на собраниях; в более враждебных нам частях наши ячейки должны были вынуть затворы во всех винтовках и замки в орудиях. В случае активного продвижения частей против нас, Отдел должен был производить по пути их следования разрушения полотна ж. д. (взрычатые вещества мы имели возможность получать, благодаря связям в артиллерийских частях, в петроградском Химическом батальоне и Моторно-Понтонном батальоне; в этом отношении у нас стеснения не было).

* * *

В нашем распоряжении был отряд человек в 15 из охраны Орудийного завода (у Литейного моста). Начальником этой охраны был с. -р. Соколов, и при его посредстве мы постепенно ввели в отряд своих людей. Мы считали нужным по стратегическим соображениям иметь к моменту выступления хотя некоторую свою вооруженную силу в районе Литейного моста. (Этот отряд состоял частью из рабочих с.-р., частью из офицеров белогвардейского типа, сочувствовавших нам.)

Продолжалась организация наших рабочих дружин. Прежний руководитель этой работы Паевский был признан негодным к этой роли (плохой организатор, хвастун, не внушал доверия рабочим).

По указанию Петроградского Комитета с санкции Ц. К. был назначен руководителем Боевого Отдела рабочий, старый с. р., быв. каторжанин Кононов. Кононов начал реорганизацию дружин. У Паевского подбор дружинников был слаб. При Кононове дружинников было человек 60; вооружено было револьверами менее половины (мы постепенно покупали оружие, дабы вооружить всю дружину, но у нас недоставало средств). Устраивались собрания представителей районных дружин, на которых обсуждались планы действия. Работа шла достаточно слабо. Все было как-то по семейному, носило какой-то патриархальный характер; Кононов был точно отцом, дружинники — детьми. Было много проектов, предполагали производить какие-то экспроприации, намечали где-то захват оружия, но ничего выполнено не было. О планах этих Кононова относительно экспроприаций мы узнали только позднее; Кононов «конспирировал» от нас.

Параллельно с этим мы наметили создание Центральной боевой группы: у нас начинали появляться неоформленные еще мысли о допустимости экспроприаций у большевиков; у некоторых из нас (у меня в частности) начинала смутно вырисовыватся мысль о допустимости террора по отношению к большевикам. Мы поручили подготовительную работу по созданию этой группы прапорщику, бывш. каторжанину Кашину.

Считаю нужным отметить, что у Ц. К. в это время мысль о допустимости и целесообразности террористических актов была уже ясна. Узнав об организуемой нами группе, Ц. К. обезпокоился, как бы не вышло какой-нибудь «авантюры» (Ц. К. все время подозревал нас в склонности к «авантюрам»). Но создание группы он признал нужным и поручил ее организацию Рабиновичу (члену Учредительно Собрания). Рабинович стал подбирать работников группы. В частности, он предложил мне войти в группу, и я из этой беседы с ним убедился, что основная цель группы — террористическая работа. Принципиальных возражений у меня не было, но я уклонился от вхождения в группу, т. к. наиболее важною работою считал нашу военную работу. В террористическую группу Рабиновича вошли Коноплева Лидия и Ефимов (прапорщик, интеллигент, быв. каторжанин).

Коноплева вскоре предложила Ц. К. произвести покушение на Ленина.

Переговоры об этом она вела с Черновыми Гоцем. Ц. К. согласился и отправил с этой целью в Москву Коноплеву и Ефимова (я передаю это со слов Коноплевой, долгое время спустя разказавшей мне об этом). Руководителем этого дела в Москве Ц. К. назначил члена Ц. К. Рихтера. Но Рихтер не проявил никакой инициативы. Коноплева, прождав в Москве недели три и сделав самостоятельную безрезультатную попытку наладить слежку за Лениным, пришла к выводу о практической безнадежности этого дела, в виду бездействия Ц. К. и вернулась в Петроград. (Лично себя она мыслила только, как исполнительницу.)

Вскоре группа Рабиновича распалась, ничем себя ни проявив.

Руководители Отделов составляли Военный Совет, председателем Совета был я. В Совет входил, как представитель Ц. К., и Донской (иногда его заменял Рабинович).

Главная организационная работа в этот период лежала на мне и Леппере. Местом нашей явки был сперва книжный магазин «За Народ», затем — специально для этого организованный нами писчебумажный магазин «Транспарант» на Кронверском проспекте. У нас было паспортное бюро, были фальшивые печати. Петроградского Продовольственного Отдела, Совета Народного Хозяйства, печати полков и дивизий, полковых комитетов, бланки, украденные из полковых канцелярий, печати домовых комитетов, литера для проезда и удостоверения на право ношения оружия. Бюро помещалось на квартире одного прапорщика с.-р.

IV.

Из старых пехотных полков мы в это время вели работу в Преображенском, Семеновском и Волынском полках. На остальные мы решили махнуть рукой: во многих из них, как в Павловском, Измайловском, Финляндском, Гренадерском — настроение было определенно большевистское. Кроме того, эти полки значительно уже деморализовались, дисциплина упала, они казались нам негодными для боевых действий. Преображенский, Семеновский и Волынский полки сохранили большую боеспособность, и наше влияние в них было значительнее. Для усиления нашего влияния мы старались вливать наших добровольцев: так, нами было влито три-четыре человека в Семеновский полк, человек 10 в Преображенский. Но работа наша в этих полках, ослабела; мы стали меньше уделять

ей внимания; наши ячейки, как и сами полки, постепенно таяли: солдаты, демобилизуясь, раз'езжались по деревням; уехали многие из наших активных работников. Состав полковых комитетов, бывших прежде под нашим влиянием, менялся. Полковые командиры, сочувствовавшие и содействовавшие прежде нам, отошли от нас, уклонились от нашей работы. Наше влияние в этих полках слабело. Чувствовалось по некоторым, прежде активно работавшим с нами непартийным полковым работникам, чье-то новое, помимо нас влияние.

Через некоторое время мы выяснили, что в Петрограде существует правая военная организация, которая и ведет свою работу в этих полках. Эта организация поручила одному из своих членов — непартийному солдату Преображенского полка, (прежде активно работавшему у нас) вступить с нами в переговоры о координировании работы и совместном выступлении; при чем, зная, что мы нуждаемся в средствах на работу, организация предлагала нам, в случае контакта, финансировать нас.

Выяснилось, что это внепартийная буржуазная организация, существовавшая на средства крупной буржуазии и высшего духовенства. Во главе ея стоял бывш. правый с.-р. Филоненко. Целью ея было вооруженное свержение большевиков и создание буржуазного правительства. К этой организации и переходило постепенно наше влияние в Преображенском, Семеновском и Волынском полках. Под ея влиянием оказались полковые комитеты; в ее руках были полковые командиры (командиры Преображенского, Семоновского полков, — старые офицеры, они были некоторое время с нами, поскольку мы шли активно против большевиков, но, как только стала проявлять себя правая организация, все их симпатии немедленно склонились к ней). Организация, как и мы, проводила пополнение полков своими людьми — добровольцами, вводила бывш. юнкеров, быв. офицеров в качестве солдат.

Я и Леппер были против контакта с организацией Филоненко. Но, учтя некоторую реальную силу организации, в виду ее влияния в указанных трех полках и, считая вопрос достаточно важным, мы передали его на обсуждение Ц. К. Перед Ц. К. мы поставили через Донского вопрос в такой плоскости: во первых, можем ли мы вообще входить в какое бы то ни было соглашение с определенно реакционной организацией, при чем я и Леппер в качестве представителей Военной Комиссии высказывались принципиально против; во-вторых, если контакт с точки зрения Ц. К. возможен,

то будет-ли это политическое соглашение или только чисто военное сотрудничество; и, наконец, можем ли в случае военного сотрудничества брать у правой организаций деньги на нашу работу.

Ц. К. решил на политическое соглашение не идти. Но предложил мне и Лепперу, в целях конкретного выяснения планов Филоненко, вступить с Филоненко от имени Ц. К. в оффициальные переговоры о политическом соглашении, делая вид, якобы это соглашение возможно.

Вопрос о военном сотрудничествие и о приемлемости брать деньги Ц. К. решил положительно.

Считая факт выступления правой организации неизбежным, Ц. К. полагал, координируя практическую работу, выступить в будущем вместе с организацией Филоненко, а затем, опираясь на массы, в процессе переворота, взять власть в свои руки.

Было устроено свидание для переговоров. Присутствовали я, Леппер, Филоненко и член правой организации (солдат Преображенского полка, о котором я упоминал). Стремясь на этом свидании точно выяснить силы «союзника», мы определили, что у Филоненко помимо влияния в Преображенском, Семеновском, и Волынском полках, на которое он рассчитывал больше всего, имеются какие-то ударные офицерские группы (численность их Филоненко старался замаскировать, но чувствовалось, что она не особенно велика) и какая-то домовая «гражданская охрана» из симпатизирующих «обывателей», по выражению самого Филоненко. Филоненко старался выяснить наши реальные силы, дабы не «проторговаться». Мы рисовали ему их в преувеличенном виде.

После вооруженного свержения большевиков Филоненко предполагал создать буржуазное министерство, куда ввести: Карташова (Карташов принимал активное участие в организации Филоненко), Пальчинского, Львова (бывш. обер-прокурор Св. Синода), Пешехонова, Коновалова, и кажется Кишкина. Как мы ни старались выяснить, кто же намечается на пост министра председателя, Филоненко умалчивал. Мы догадались, наконец, что это место он предназначает для себя самого. Предполагалось, что правительство созовет Учредительное Собрание, Филоненко считал, что старое Учредительное Собрание не пользуется популярностью в масах (для нас было очевидно, что самый большой дефект старого Учредительного Собрания — отсутствие в нем самого Филоненко).

Мы заявили Филоненко, что политическое соглашение — длительная история, что мы будем делать об этом доклад Ц. К., ждать его решения, и предложили, не теряя времени, координировать военную работу по подготовке восстания. Филоненко сразу же согласился и предложил финансировать нас. Получая субсидии в дальнейшем, мы получили от Филоненко около ста тысяч керенок. Политическое соглашение было постепенно нами «замято».

Работа наша в Преображенском, Семеновском и Волынском полках шла в дальнейшем в контакте с работой там организации Филоненко. Мы направляли своих добровольцев и распределяли их по батальонам при помощи людей Филоненко. Наиболее интенсивно пополняли мы таким способом Волынский полк, который переформировался в это время и командир которого был членом организации Филоненко. Направили мы туда человек двацать.

План выступления организации Филоненко сводился к тому, чтобы, постепенно подготовив Преображенский, Семеновский и Волынский полки, бросить их против большевиков. Готовилось разоружение Преображенского полка. Настроение было таково, что они думали активно сопротивляться разоружению. Филоненко ждал попытки разоружения, полагая, что в этот момент удастся при сопротивлении Преображенского полка об'единить на его защиту другие петроградские старые полки и двинуть их против большевиков. У Филоненко был Боевой Штаб предполагаемого выступления; в этот штаб вошел в качестве нашего представителя Леппер. Мы тоже считали, что Преображенский полк окажет активное сопротивление разоружению и думали, что это может быть моментом выступления, об'единив вокруг Преображенского полка старые полки Петроградского гарнизона и противопоставив их Красной Армии.

В марте (приблизительно) мы узнали, что ночью ожидается разоружение Преображенского полка. Преображенский полк по сообщению представителя полка (члена правой организации) был настроен не сдавать оружия. Семеновский и Волынский полки, которым представитель Преображенского полка сообщил о предстоящем разоружении, обещали поддержку и были наготове. На помощь Правой организации в решительный момент концентрации сил около Преображенского полка расчитывать было нечего; о Правой организации, об ее штабе представитель Преображенского полка говорил, безнадежно махая рукой (он, будучи членом организации, вел переговоры со штабом о предстоящем).

Военная Комиссия решила выступить. Был сделан запрос Центральному Комитету. Ц. К. после долгих бурных прений санкционировал наше решение. —

Центром тяжести предполагаемого выступления, было ожидаемое активное сопротивление Преображенцев. При наличности этого сопротивления мы полагали, бросить к полку броневые машины, захватив их силами нашего Броневого Дивизиона, и наши боевые дружины. Семеновский и Волынский полки, предполагалось, выступят и присоединятся. Броневой Дивизион наш был наготове в ожидании предписаний. Я отдал приказ Кононову собрать боевые дружины.

Ночью произошло следующее: одна часть Преображенского полка—на Миллионной (полк был разделен на две части на Миллионной и на Кирочной) была захвачена врасплох и разоружена без попытки сопротивления; около другой части стоял броневик и стягивались большевисткие части. В этой части положение вещей было таково, что солдаты, чувствуя возможность вооруженной стычки разбегались; ушли даже, по сообщению представителя полка, некоторые из наиболее активных и надежных, расставленых им в караул. Настроение в Семеновском и Волынском полках, когда там узнали о положении Преображенцев, было подавленное. Наши боевые дружины (по неизвестным причинам) не собрались. Не явился ни один человек. (Как сообщил после Кононов, он никак не мог их собрать.) Мы сочли дело проигранным и решили не выступать. Организация Филоненко во время этого ожидаемого выступления ничем себя не проявила, показав этим свою полную несостоятельность.

После разоружения Преображенского полка Филоненко вскоре уехал из Петрограда, (за ним следили, и он ожидал ареста). Его организация вскоре распалась. (Неоднократно упоминавшийся мною работник Преображенского полка уехал, изверившись в возможность выступления в Петрограде и считая нужным перенести центр работы на окраины.)

Ожидалось разоружение Семеновского полка. Полковой комитет созвал полковое собрание, на котором провел по тактическим соображением несоответствовавшую настроению полка резолюцию доверия Советской Власти. В виду этой резолюции полк не был разоружен. (Впоследствии на фронте перешел на сторону Юденича.)

V.

После разоружения Преображенского полка, центром нашего влияния была попрежнему работа в Красноармейских

частях. — Работа Красноармейского Отдела усиливалась; продолжалось пополнение нашими добровольцами Красноармейских частей, в особенности артеллерийской бригады Карпова. Эта бригада была всецело под нашим влиянием. Комитет бригады весь был наш. Была созвана Красноармейская конференция из представителей наших групп и активных работников для обсуждения организационных вопросов.

В стратегических целях Петроград был нами поделен территориально на участки — «комендатуры» и был создан Боевой Штаб для руководства выступлением. Во главе каждой «комендатуры» стоял назначенный Бюро Военной Комиссии комендант, который должен был держать непрерывную связь с полковыми комитетами и нашими группами в воинских частях его участка, направлять работу наших групп, завязывать нужные новые связи, выяснять месторасположение оружейных складов, силу их охраны; в момент же нашего выступления комендант должен был руководить движением частей по указаниям Боевого Штаба. В первое время существования комендатуры подчинялись непосредственно Бюро Военной Комиссии. После создания Штаба, они были в непосредственном подчинении Штабу, являясь как бы его щупальцами по участкам. Комендантом Невско-Заставского района был Изотов (прапорщик), Обуховского р. — Гаджумов (поручик), Московского района Гинзбург (прапорщик), Литейного — какой-то артеллерийский поручик, Петроградского — Шкловский (брат Виктора Шкловского). Комендантом Выборгского района позднее был назначен Кенигиссер. В Боевой Штаб по соглашению между Бюро Военной Комиссии и Ц. К. вошли: полковник Постников (с.-р.), Леппер и Виктор Шкловский, (меньшевик).

У Донского была одно время мысль ввести в Штаб бывшего министра Верховского. Донской считал, что Верховский для этой роли обладает персональными данными и, кроме того, полагал, что за Верховским, возможно, есть некоторая реальная военная сила. Верховский предложил свои услуги в распоряжении Партии. Было свидание между Верховским, мною, и Леппером, на котором мы, фигурируя, как оффицинальные представители Военной Комиссии, выяснили, что реальной силы за Верховским нет, что у него имеются некоторые персональные связи в военной среде. Его точка зрения на выступление, оказалось, несоответствовала нашим планам: он мыслил выступление не иначе, как в форме чисто военного переворота, и полагал, что в нашем распоряжении имеются достаточные военные силы,

которые по нашему предписанию будут брошены на захват большевистских учреждений и пунктов. (Мы же мыслили наше выступление на фоне народного движения в той или иной форме — крупная забастовка, крупная демонстрация и проч.) В виду всего этого мы были против кандидатуры Верховского в Штаб. Донской, выслушав наши соображения согласился с нами.

Помимо переговоров с Верховским, мы вели череговоры с Парским, занимавшим в то время пост начальника обороны северного фронта. Парский сочувствовал нам и обещал нам содействие при нашем выступлении. Переговоры с ним вела Коноплева (через одного Штабного офицера, с которым она была лично знакома).

Был организован Морской Отдел, который работал на судах, стоявших в Петроградской Гавани, в Кронштадте и в Минной дивизии (стоявшей частью, около Обуховского завода, частью около Невского судостроительного завода). Наши работники выступали на собраниях команд судов, проводя точку зрения необходимости восстановления Учредительного Собрания. На некоторых судах были созданы наши ячейки. Мы завязали связь с командиром одного из миноносцев, который вскоре оказался под нашим влиянием и принимал активное участие в нашей работе на судах (по убеждению он был значительно правее, безпартийный). Руководил этой работой я. Активное участие принимала Коноплева. Настроение матросов Минной Дивизии, было таково, что они готовы были поддержать рабочих в случае их выступления.

* * *

О нашем существовании узнала некая, работавшая в то время в Петрограде, правая буржуазная организация. Получив о нас представление, как о внепартийной, демократической, офицерской, военной организации, эта организация вступила с нами в переговоры о контакте с нею и о совместном выступлении. Один из ее руководителей — Иванов (присяжный поверенный, по убеждениям нечто в роде октябриста), разыскал через каких-то знакомых—родственников Леппера и явился к нему для переговоров.

Считая соглашение с союзниками ошибочным, эта организация полагала необходимым союз с Германией и намечала такой план действий: войти в переговоры с Германским Штабом и, достигнув с ним соответствующего соглашения, двинуть на Петроград несколько немецких корпусов. Путем не-

мецких штыков произвести захват Петрограда и водворить буржуазное Правительство. В дальнейшем организации рисовался военный союз с Германий и Японией против союзников. Организация была чисто буржуазная, связей с массой у нея никаких не было. Она предлагала нам поддерживать ее и проектируемое ею на будущее время Правительство, предлагала нас финансировать. Мы были против этого единения. Однако снова поставили вопрос перед Ц. К. Ц. К. отнесся резко отрицательно к проектируемому соглашению. Но считал нужным, чтобы мы, в целях информации, поддерживали связь с организацией, стараясь выяснить, что она конкретно делает и беря от нея деньги, но конспирируя от нея, делать вид, что мы идем на соглашение с нею.

Связь с организацией поддерживал Леппер, играя в ней по существу роль провокатора. Деньги мы брали, получили тысяч 40—50. Иванов два раза ездил в Ставку Начальника Штаба Северного Германского фронта и через Начальника этого Штаба вел переговоры (от имени «Русского Общества») с Начальником Германского Генерального Штаба Людендорфом. Он предлагал Лепперу послать туда же от нас авторитетного представителя для окончательных переговоров. Леппер довел до сведения Ц. К. об этом предложении. Ц. К. считал нужным, предследуя все ту же информационную цель послать нашего представителя (в Ц. К. по этому поводу были большие прения; некоторые члены, примерно, Раков, были резко против). Для поездки в Ставку Ц. К. наметил кандидатуру Постникова (полковника). Я и Леппер, по поручению Ц. К., вели переговоры с Постниковым, но Постников отказался (он был принципиально против всего этого). Другого подходящего представителя для поездки в ставку мы не нашли, и поездка не состоялась.

Немецкий Штаб не пошел на соглашение с организацией. Без услуг немецких штыков организация не имела никакой реальной силы. В виду этого она вскоре, утратила для нас интерес, и мы отошли от нее, порвав с нею всякую связь (наша связь с этой организацией продолжалась с месяц).

Ц. К. предложил нам координировать нашу работу с работой Военного Отдела Союза Возрождения. Мы были против этого сотрудничества, ибо позиция Союза Возрождения была значительно правее нашей, реальных военных сил за Союзом, по нашему убеждению, не было почти никаких; брать у Союза деньги, как предложил нам Ц. К., мы считали недопустимым, ибо мы были убеждены, что Союз субсидируется союзниками и считали этот источник для Партии

неприемлемым. (Нам было известно, что видные члены Союза имеют связь с Союзническими миссиями). Работа Военного Отдела была слаба. Мы старались по возможности меньше иметь с ним дела. Связь с ним в качестве нашего представителя поддерживал Леппер. Наш контакт, собственно, сводился к тому, что Союз нас субсидировал и рекомендовал нам тех или иных работников (так — по настоянию Отдела, одним из наших комендантов был назначен Кенигиссер).

VI.

Во время проектировавшегося при разоружении Преображенского полка выступления, ярко проявилась слабость, неорганизованность наших боевых дружин. Было ясно, что организатор их Кононов не выдерживает критики в этой роли. Между тем, я им придавал большое значение. Я считал их необходимым авангардом при выступлении. Кроме того, мои неформленные прежде, непродуманные до конца мысли о приемлимости экспроприаций у Советского Правительства выявились постепенно в определенный уже вывод, что экспроприации у большевиков допустимы, и я полагал, что этим делом должны заняться наши боевые дружины. На экспроприации я возлагал довольно большие надежды, ибо наша военная работа, да и вся общепартийная весьма тормозились отсутствием материальных средств. Подходящего руководителя Боевого Отдела не было. Я решил взять руководство этим Отделом на себя, сделав это центром моей работы и предоставив руководство остальной военной работой Лепперу. По соглашению между Бюро Военной Комиссии, Центральным Комитетом и Петроградским Комитетом я был назначен руководителем Боевого Отдела. Я взял связи у Кононова, обошел все районы. В дружинах далеко не все соответствовало своему назначению. Дисциплина была слаба. Не было точного учета ни числа дружинников, ни наличного количества оружия. Я принялся за реорганизацию, производя более тщательный подбор дружинников, выбрасывая негодных из старого состава, вводя дисциплину.

Численность моих дружинников была человек 50, главным образом рабочих; интеллигентов было человек 6—7. Вооружены они были плохо; было вооружено человек 35, при чем у большинства были «Наганы»; «Барунингов» и «Маузеров» было только до 15-ти штук (не было денег на покупку).

Каждая районная дружина избирала своего начальника, который утверждался мною. Еженедельно происходили собра-

ния Начальников дружин. Начальником Выборгской дружины был Томашевич (рабочий), Невско-Заставской — Сергеев и Федоров (рабочие), Нарвской-Гладков (рабочий), Московско-Заставской — Вакулин (техник-интел.), Обуховской-Гребеньщиков (техник-интел.). Василе-Островской — Морачевский (студент), Колпинской — Усов (рабочий), Лучшей была дружина Невско-Заставского района. Я намечал создание Центрального летучего отряда из лучших дружинников. В качестве моих активных помощников работали Коноплева Л. и Иванова Елена (сестра члена Ц. К. Иванова).

Вопрос об экспроприациях был передан на решение Ц. К. Ц. К., стоявший на точке зрения принципиального отрицания экспроприаций, принимая во внимание создавшееся в партии положение вещей в смысле полного отсутствия денег на дальнейшую работу, признал производство экспроприаций у Советского Правительства допустимым. Но при этом Ц. К. считал совершенно недопустимым делать экспроприации от имени Партии. Экспроприации должны были производиться нашими дружинниками таким образом, чтобы имя Партии никоим образом и ни в каком отношении не было бы связано открыто с ними. Предполагалось, что в случае провала наши обевики будут фигурировать, как уголовные преступники. Военная Комиссия разделяла эту точку Ц. К. (Приблизительно Апрель 1918 г.).

В первое время намечаемые нами экспроприации, по ряду технических причин, оставались невыполненными.

Первая экспроприация была произведена у богатого торговца в Лесном. Экспроприацию производили Гвозд (рабочий), Колховский (интеллигент), Усов (рабочий) и кто-то четвертый, явившиеся под видом обыска. Я был болен и пойти не мог. Экспроприация дала крайне жалкие результаты (тысяч 15—20) и произвела чрезвычайно тяжелое впечатление на участвовавших боевиков. Ц. К. знал, что мы произвели экспроприацию, но где, какую — я им ввиду незначительности результатов, не сообщил. Деньги я сдал члену Центрального Комитета Ракову.

Вторая экспроприация была произведена следующим образом: артельщик Комиссариата Продовольствия, с. р. сообщил нам, что он в определенный день едет с суммою в миллион и с охраной в четыре вооруженных человек в Саратов для продовольственных закупок. Я, Гвозд, Сергеев, Усов, Зеленков и Тесленко сели в поезд; ночью,

наведя револьверы на охрану, отняли деньги, остановили тормазом поезд и скрылись.

В Москве в это время заседал 8-й Совет Партии. Я доложил о происшедшем и сдал деньги в кассу партии. Деньги пришлись в самый нужный момент. На Совете Партии намечалась линия перенесения центра работы на окраины, пытаясь там организовать восстание; готовилась отправка с этой целью в Поволжье группы работников с Вольским во главе, а для всего этого прежде всего нужные были деньги.

* * *

В это время в Петрограде начиналась большая забастовка рабочих; настроение многих рабочих по нашему учету было анти-большевистское и возбужденное, в особенности, в Невско-Заставском и Обуховском районах.

Военная Комиссия считала момент подходящим для выступления: предполагала призвать рабочих к оружию и, сделав центром нашего выступления Невско-Заставский район, двинуть туда наши боевые дружины, и наш Броневой Дивизион с захваченными броневыми машинами. Мы думали, что рабочие районы, согласно их настроению, по инициативе наших дружинников и броневиков и под их руководством, начнут захват большевистских пунктов, и что к этому выступлению присоединятся настроенные против большевиков матросы Минной Дивизии. Можно было расчитывать на помощь Семеновского полка. Представитель комитета Семеновского полка, Корнфельд, учитывая настроение командного состава и солдат, обещал поддержку полка в случае выступления рабочих. Кроме того, мы считали, что можно будет двинуть батареи две—три находившейся под нашим влиянием бригады Карпова. Работа нашего Красноармейского Отдела в это время была в разгаре. Усиливались наши ячейки, росли и крепли связи. Мы надеялись, что в виду этого, нам удастся удержать красноармейские части от активного выступления против нас.

Было созвано для обсуждения вопроса о выступлении собрание из представителей Военной Комиссии, Центрального Комитета и Петроградского Комитета. На собрании были, Гоц и Донской — от Ц. К., Флекель и Зейман — от П. К., я и Коноплева — от Военной Комиссии. Я настаивал на выступлении, отмечая нароставшее, по моему убеждению, рабочее движение против большевиков, начинавшее выливаться в активные формы и подчеркивал, что сейчас

мы можем действовать на фоне рабочего движения, опираясь на него. Гоц произнес большую речь о недостаточности наших реальных сил и необходимости, ввиду этого, дальнейшего выжидания. При голосовании вопросов я один был за выступление; все остальные — против.

Вскоре после этого провалилась наша красноармейская конференция (вторая). Когда пришли с арестом часть участников конференции успела уже разойтись. Но наиболее ответственные и активные работники были арестованы: Леппер, Карпов, Попов (солдат — делопроизводитель Штаба артиллерийской бригады Карпова), прапорщик — хозяин квартиры, на которой происходила конференция. Сразу же после конференции в связи с ней, были арестованы Постников и Бергман. Провалилось и наше паспортное бюро, находившееся на той же квартире, где происходила конференция. Этими арестами, особенно арестом Леппера (который был руководителем и организатором и у которого были все связи), работа Красноармейского Отдела была подорвана в корне.

VII.

Представляя себе ход нашей дальнейшей военной работы и предстоящий переворот, я постепенно приходил к выводу, что облегчить дело переворота, потрясти Советский организм могут центральные террористические удары по Советскому Правительству. Я относился к большевикам, как к кучке людей, которая правит насильственно, помимо воли народной. Думал, что большевики губят революцию в настоящем и отодвигают ее в будущем, отталкивая народные массы от революционного движения, заставляя их терять веру в социализм. Я считал, что все способы борьбы с бльшевиками, как с врагами Революции, хотя и безсознательными, приемлемы. Помимо этого, я считал, что террор против большевиков соответствует сознанию рабочих масс; так казалось мне, судя по настроению тех рабочих, среди которых я работал. Я думал, что проявление действенной боевой силы Партии в террористических актах повысит ее авторитет в глазах рабочих масс и поднимет активность этих масс, начинавших разуверяться в возможность серьезных активных действий против большевиков.

Я решил начать подготовительную работу к террористическим актам. Центральный Комитет санкционировал это решение (переговоры я вел сперва с Донским затем с Гоцем, Ц. К. указал мне, что наиболее видными фигурами в Петрограде,

которые следует устранить прежде всего, он считает Зиновьева и Володарского.

Наши боевики разделяли точку зрения признания террора.

В Военной Комиссии резко против террористической работы был Леппер. Он считал, что против большевиков — партии социалистической — этот метод борьбы недопустим, что мы должны с ними бороться лишь путем организации массовых выступлений.

Я приступил к организации Центрального Боевого Отряда. В него вошли: Федоров, Сергеев, Усов, Зеленков, Коноплева и Иванова. Была поставлена слежка за Зиновьевым и Володарским для выяснения, где они живут, где бывают и для определения наиболее удачного места для акта. Слежку вели я и Федоров. Решено было действовать револьвером, а не бомбою: мы считали недопустимым, чтобы при совершении акта оказались невинные жертвы. Федоров, Сергеев, Зеленков и Усов усиленно практиковались (в лесу) в револьверной стрельбе. Исполнителями я намечал Сергеева и Федорова (я считал, что должен быть рабочий). Наилучшим я считал Сергеева. Мы думали организовать дело так, чтобы покушавшийся мог скрыться и выбирали подходящее место где-нибудь на окраине города. Володарский часто бывал на митингах на окраинных заводах — Обуховском, Путиловском. Зиновьев, главным образом, бывал в Смольном, на митингах — редко. Мы решили, что по техническим причинам легче убить Володарского и поставили покушение на него в первую очередь. Решили остановить автомобиль Володарского по дороге из Петрограда на Обуховский завод; выбрали для этого место у часовни на повороте дороги, достаточно глухое. Для того, чтобы остановить автомобиль, мы думали разбросать по дороге битого стекла или гвоздей и тем испортить шины, или бросить впереди автомобиля ручную бомбу военного образца. Слежку за Зиновьевым продолжали, не намечая пока конкретного плана. Одновременно мы вели слежку за Урицким, считая нужным убить и его. Слежку за Урицким по нашему поручению вела Коноплева, которая сняла для этого квартиру напротив его квартиры. Дальше мы намечали убийство Ленина и Троцкого. Для подготовки к этому, когда основная подготовительная работа к покушение на Володарского была более или менее налажена, были отправлены в Москву Гвозд, Зеленков и Усов; руководителем работы в Москве был назначен Гвозд.

Когда мы сочли технику к покушению на Володар-

ского достаточной подготовленной, я обратился к Гоцу с запросом, считает ли нужным Ц. К. перейти немедленно к действию. Гоц от имени Ц. К. предложил мне выждать некоторое (короткое) время. Для чего надо было выжидать это короткое время, что могло измениться в ближайшем будущем, — для меня так и осталось невыясненным. Я вынес из беседы с Гоцем определенное впечатление, что у Ц. К. просто не хватает последней практической решимости, как зачастую это бывало с Ц. К. в решительные действенные моменты.

На другой день после моей беседы с Гоцем — Сергеев, отправляясь посмотреть, как проедет в намеченном нами месте автомобиль Володарского, задал мне вопрос, как быть, если у него будет очень удобный случай убить Володарского. Я ответил, что в таком случае надо действовать. В этот день автомобиль Володарского по неизвестной причине остановился невдалеке от намеченного нами места, в то время, когда там был Сергеев. Шоффер начал что-то исправлять. Володарский вышел из автомобиля и пошел навстречу к Сергееву. Кругом было пустынно. Вдали — редкие прохожие. Сергеев выстрелил несколько раз на расстоянии двух-трех шагов, убил Володарского, бросился бежать. Сбежавшаяся на выстрел публика погналась за Сергеевым. Он бросил английскую военного образца бомбу (взвесив, что на таком расстоянии он никого не может убить). От взрыва преследующие расстерялись. Сергеев перелез через забор, повернул в переулок, переехал реку и скрылся. Полдня скрывался в квартире Федорова, дня два в квартире Морачевского. Затем я его отправил в Москву.

Сергеев — рабочий маляр, много пострадавший в жизни от тяжелых материальных условий. До революции он был анархистом, входил в Петроградскую Анархистскую группу. После революции вступил в Партию с.-р.; в то время ему было около 30-ти лет. Маленький невзрачный человек с красивой душой, из незаметных героев, способных на великие жертвы. В нем все время горело желание сделать что-нибудь большое для Революции. Он был глубоко убежден, что большевиками делается губительное для Революции дело.

Рабинович от имени Ц. К. заявил, мне, что я не имел права совершать акта без точной санкции Ц. К., так как Ц. К. предложил мне подождать (члены Ц. К. по конспиративным соображениям избегали встречи со мной).

В рабочих с.-р. кругах, среди тех, кто считал нужным террористическую борьбу, полагали, что акт — дело Партии

и с напряжением ждали открытого сообщения Партии об этом. Ц. К. расстерялся, и все его помыслы сводились к страху, как бы не открылось, кто виновник происшедшего, как бы Партия не подверглась разгрому. В виду этого (с моей точки зрения — именно в виду этого) на другое же утро после убийства в газетах появилось категорическое заявление Ц. К., что ни Партия и ни одна из ее организаций не имели ни малейшего отношения к происшедшему. Ц. К. настаивал на немедленном отезде всех нас в Москву. Я был возмущен поведением Ц. К. Я считал необходимым, чтобы партия открыто заявила, что убийство Володарского, дело ее рук. То же думала моя Центральная Боевая Группа. Отказ Партии от акта был для нас большим моральным ударом. Моральное состояние всех нас было ужасно.

* * *

В это время, среди матросов Минной Дивизии настроение было весьма возбужденное. Казалось, что они со дня на день могут выступить. Предполагавшееся разоружение Дивизии еще более обостряло настроение. Рабинович предложил мне от имени Ц. К. поехать к матросам реально учесть создавшееся там положение. Я отправился с этой целью к судам, стоявшим в Невско-Заставском районе. Коноплева и Гаджумов направились к судам, стоявшим в Обуховском районе. Я беседовал с командиром одного из миноносцев, который считался главарем брожения в Дивизии, и еще с одним матросом из активных работников. Из бесед я сделал вывод, что матросы ждут разоружения, что они настроены выступить, что, если бы в этот момент произошло выступление рабочих, матросы безусловно присоединятся. Гаджумов из бесед с матросами в Обуховском районе вынес тоже впечатление. В расчете на это присоединение матросов я считал нужным немедленно через Собрание Уполномоченных, находившихся под нашим влиянием и пользовавшихся авторитетом в рабочей массе, призвать рабочих к массовому выступлению — к забастовкам и демонстрациям, и на фоне этого выступления бросить наши дружины и Броневой Дивизион на захват большевистских учреждений, (перерыв телефонной сети, бросание бомб, шум, переполох). Я считал, что если мы не возьмем на себя инициативу выступления, Минная Дивизия будет разоружена; наши силы этим будут значительно подорваны, и мы потеряем последние шансы на возможность дальнейших выступлений в Петрограде. Наш Красноармейский Отдел в



эту пору (после провала конференции) был почти разбит. Боевой Отдел по настоянию Ц. К. должен переводиться в Москву. Даже наш Броневой Дивизион начинал постепенно таять, работники его раз'езжались постепенно из Петрограда.

По вопросу о выступлении было совещание из представителей Военной Комиссии, Ц. К. и П. К., на котором я отстаивал свою точку зрения. Гоц от имени Ц. К. предложил не проявлять нашей инициативы и начать действовать только в том случае, если Минная Дивизия, оказывая вооруженное сопротивление разоружению, выявит себя, как действительно реальная сила. Представители Военной Комиссии — я и Гаджумов — голосовали за выступление; остальные были против.

Ц. К. окончательно пришел к выводу, намечавшемуся еще на 8-м Совете Партии, что нужно оставить мысль об организации выступления в Петрограде и перенести работу на окраины для подготовки выступления там. Началась переброска активных работников, на окраины — в Сибирь, на Украину, в Поволожье.

Центр военной работы был перенесен в Саратов. Для руководства этой работой туда выехал Донской. Туда же была переброшена часть нашего нелегального Броневого Дивизиона во главе с Виктором Шкловским. Боевой Отдел, которым продолжал руководить я, переводился в Москву. Туда переехали боевики Центрального Отряда и перебрасывались постепенно наиболее активные дружинники из Петрограда. Оставшиеся в Петрограде боевики во главе с Коноплевой не прекратили слежку за Урицким. В Москве, к моменту моего приезда туда, была уже организована ранее приехавшими боевиками слежка за Лениным и Троцким.

Мы решили на заседании Центрального Боевого Отряда организовать из Петроградских боевиков партизанский военный рабочий отряд, который перебросить целиком по-ту сторону Восточного фронта. Я выехал в Саратов с целью нащупать там почву для переброски отряда через фронт и подготовить все необходимое к переброске. Наиболее активными военными работниками в Саратове были Тесленко и Белецкий. Они завязывали связи в Красноармейских частях где создавали наши ячейки. У Донского были связи, через одного полковника с.-р. — почти со всеми командирами Красноармейских частей; все они (по настроению белогвардейцы) обещали поддержку в случае нашего выступления или в случае подхода к Саратову Народной Армии. Относительно переброски отряда я пришел к выводу, что по ряду технических трудностей пере-

бросить отряд целиком вряд ли возможно. Решил перебрасывать боевиков постепенно, каждого в отдельности.

Донской предлагал мне войти в качестве кооптированного члена в Областной Комитет и взять на себя руководство военной работой в Саратове. Но я придавал большее значение террористической работе, чем военной, поэтому я уехал в Москву для продолжения этой работы (пробыв в Саратове два дня). —

VIII.

В Москву к этому времени стали стягиваться Петроградские боевики, главным образом, из Невско-Заставского района, предназначаемые для будущего партизанского отряда. Я решил задержать их временно в Москве. Не было средств на переброску их по ту сторону фронта. К тому же я считал, что они будут нужны при подготовке покушении на Ленина и Троцкого. Приехала в Москву и Коноплева, поручив руководство слежкой за Урицким боевику Василе-Островской дружины Зейме. Боевиков собралось человек пятнадцать. В Москве у нас были две конспиративные квартиры. Кроме того, мы снимали две дачи под Москвой (Одну по Казанской ж. д., другую по Николаевской ж. д.).

Следили за Лениным и Троцким я, Усов, Коноплева, Иванова и Королев — посменно. Установили, что Ленин и Троцкий живут в Кремле. Следили за выездами, стараясь установить, где они чаще всего бывают. Мы считали, что легче всего убить при выходе их из автомобиля в какое нибудь учреждение. Выяснили, что Троцкий бывает в Военном Комиссариате, но не регулярно; Ленин почти не выезжает ни в одно учреждение. Установили, что Ленин часто выезжает на митинги.

Особое значение я придавал в тот момент убийству Троцкого, считая, что это убийство, оставив большевистскую армию без руководителя, значительно подорвет военные силы большевиков. Убийство Троцкого я ставил в первую очередь, считая нужным приводить его в исполнение немедленно при первой же практической возможности. Я мыслил это убийство не как политический акт, а как дело военное, необходимое по стратегическим соображениям. Покушение на Ленина я разценивал, как крупный политический акт и считал, что политическая обстановка еще надостаточно созрела для подобных политических ударов, что это покушение надо производить при обстановке начинающегося развала Советской Власти и что, следовательно, его надо отсрочить на некоторое время,

ибо большевики еще пользуются популярностью, у них еще есть связи с массой.

Для выяснения позиции Центрального Комитета по вопросу о практическом проведении террора я беседовал с Гоцем. Гоц находил, что политический момент достаточно созрел для борьбы путем террора, считал, что убийство Ленина осуществить немедленно, что оно будет иметь не меньшее значение для подрыва Советской Власти, чем убийство Троцкого. Он предлагал убить первым того, кого будет легче убить технически. Я указал Гоцу, что если Ц. К. намерен отказаться от актов после их совершения, как это было при убийстве Володарского, то и я и мои боевики вряд ли согласимся продолжать террористическую работу. Гоц заявил, что, в виду большой политической важности готовящихся актов, Ц. К. во всяком случае не заявит о непричастности Партии к ним; возможно только, что Ц. К. по тем или иным практическим соображениям, замедлит с открытым признанием актов делом Партии, но с тем, чтобы через короткое время декларировать открыто о них. Я изложил точку зрения Гоца на собрание боевиков, поставив перед ними следующие вопросы: во первых, будем ли мы продолжать террористическую работу при условии, что Ц. К., возможно, не сразу после актов открыто признает их; во-вторых, является ли беседа с Гоцем достаточной гарантией к тому, что Ц. К. действительно не отречется снова от актов.

Некоторые из боевиков считали необходимым, чтобы покушавшийся сразу же, в случае ареста, заявил, что акт является делом Партии, и чтобы оффициальное заявление об этом Центрального Комитета последовало бы немедленно. После долгих прений мы решили, что точка зрения Гоца приемлема, но что, поскольку Гоц не дал никаких оффициальных обещаний от имени Ц. К., у нас должны быть более определенные и более оффициальные гарантии в том, что Ц. К. поступит после акта именно согласно этой точки зрения.

Снова у меня состоялось свидание с Гоцем, на котором я предложил ему, сообщив о настроении боевиков, дать оффициальный ответ, гарантирует ли он от имени Центрального Комитета Партии Социалистов Революционеров, что Ц. К. не отречется от акта. Гоц гарантировал от имени Партии своим честным словом, что Ц. К. не заявит о непричастности и признает акт открыто или немедленно, или спустя некоторое время. Мы сочли честное слово Гоца достаточной гарантией.

Я намечал в это время план организации отделений Центрального Боевого Отряда в крупных центрах России.

В Казань я с этой целью отправил Гвозда, Вакулина и одного из боевиков Колпинского района. Предполагалось, что боевая группа в Казани, в случае подхода войск Учредительного Собирания, примет активное участие при взятии города. В случае взятия Казани Народной армией, группа останется по ту сторону фронта и войдет в ряды армии. В Саратов был послан Гладков. В Петрограде часть боевиков осталась. Они вели слежку за Урицким, намечали план выполнения. В Нижний я послал Киселева и Томашевича. Им я, в частности, дал специальное задание, выяснить, где и как храниться перевезенное частью из Москвы в Нижний золото и невозможна ли экспроприация его.

По техническим причинам легче было убить Ленина. Мы решили убить прежде его и намечали конкретный план выполнения этого убийства.

* * *

Я узнал от Дашевского, который руководил в это время военной работой в Москве и был в курсе нашей работы, что в Москве есть группа с.-р., которая ставит себе ту же цель, что и мы. Дашевский предложил мне вступить с руководительницей группы в переговоры о присоединении ее группы к моей. Руководительницей группы оказалась Фаня Каплан. Каплан — бывшая анархистка. Работала в террористической организации в Киеве в царское время. В 1906 г. была приговорена к смертной казни по обвинению в принадлежности к террористической организации (перед ея арестом группа готовила покушение на Киевского генерал-губернатора, в ее комнате произошел взрыв). Смертная казнь ей была заменена вечной каторгой, в которой Каплан и пробыла до Революции. После Революции она вошла в Партию с.-р.

При первом же свидании Каплан произвела на меня сильное яркое впечатление революц.-террористки. Я предложил лично ей войти в мою группу; ввести всю ее группу целиком, не зная состава, я отказался и предлагал вводить каждого в отдельности после знакомства и персональной оценки. Каплан согласилась. В ее группе оказалось, кроме ея, всего три человека: Пепеляев — старый каторжанин, с.-р., быв. матрос, Груздиевский — кажется, присяженый поверенный, эсэрствующий, с сильным белогвардейским оттенком и Маруся — с.-р. лет 20-ти. Груздиевский и Пепеляев произвели на меня определено отрицательное впечатление; Маруся — более благоприятное, но недостаточно определенное. Представление о терроре у них

было совершенно дикое. Они, примерно, считали, возможным отравить Ленина и Троцкого, вложив что-нибудь соответствующее в кушанье, или подослать к ним врача, который привьет им опасную болезнь. Предполагалось, что исполнителем будет Фаня. Никто из остальных и не пошел бы на это. Прежде они думали убить Троцкого. Никакого конкретного плана у них не было. Слежка за Троцким велась беспорядочно, и вела ее одна Каплан. Каплан предполагала убить Троцкого бомбой. У нея была бомба специально для этого приготовленная ее знакомым химиком с.-р.- работавшим в военной организации (бомбу эту она передала мне). Я решил не вводить Груздиевского и Пепеляева в группу. Марусю я допускал возможным использовать для слежки. Я предложил им не вести параллельной работы с нами; взять на себя слежку за кем-нибудь другим. Указал им на Дзержинского. —

Мы решили убить Ленина (выстрелом из револьвера) при от'езде его с какого-нибудь митинга. В это время в Москве бывали во всех районах еженедельные митинги, и Ленин выступал на них почти еженедельно; но заранее не было известно, на каком именно митинге он выступит. Мы наметили поэтому такой план действий: город разбивается территориально на 4 части, назначаются 4 исполнителя; в часы, когда идут митинги районный исполнитель дежурит в условленном месте; на каждом сколько-нибудь крупном митинге обязательно присутствует кто-нибудь из боевиков. Как только Ленин приезжает на тот или другой митинг, дежурный на митинге боевик сообщает районному исполнителю; тот немедленно является на митинг для выполнения акта. Выполнителями я наметил: Каплан, Коноплеву, Федорова и Усова (я предлагал и себя, но группа отвела меня, как руководителя).

К этому времени Ц. К. решил переброситься, по ту сторону фронта. Бывшие в Москве Гоц, Тимофеев, Евгения Ратнер уехали с этой целью в Сызрань. В Москве было создано Московское Бюро Ц. К., которым руководил вызванный для этого из Саратова Донской. У Каплан было свидание с Донским (он хотел видеться с нею как с будущей исполнительницей). Донской на этом свидании говорил, что Ц. К. не откажется от признания акта делом Партии.

В первую неделю, когда наш план дежурств на митингах уже выполнялся, Ленин выступил только на одном небольшом митинге, на котором не было нашего дежурного (на небольшие митинги мы не посылали дежурных). В следующую

неделю Усов, которому дежурный боевик сообщил о приезде Ленина на митинг, пришел туда, но покушения не сделал. У нас после этого было тяжелое собрание. Мы все считали, что Усов оказался слабым, что у него не хватило решимости к действию. Усов был исключен из числа исполнителей.

На следующий раз я разослал дежурных на все митинги. Лучшим исполнителем я считал Каплан. Поэтому я послал ее в тот район, где я считал больше всего шансов на приезд Ленина. Послал хорошего боевика, старого с.-р., рабочего Новикова на завод Михельсона, где ожидался приезд Ленина. Каплан должна была дежурить на Серпуховской площади недалеко от завода. Я считал, что бежать после совершения акта не надо, что за такой момент покушающийся должен отдать жизнь, но практическое решение этого вопроса я представлял каждому из исполнителей. Каплан разделяла мою точку зрения. Все-таки, на случай желания Каплан бежать, я предложил Новикову нанять извочика-лихача и поставить наготове, у завода (что Новиков и сделал).

Ленин приехал на завод Михельсона. Окончив говорить, Ленин направился к выходу. Каплан и Новиков пошли следом. Каплан вышла вместе с Лениным и несколькими сопровождавшими его рабочими. Новиков нарочно споткнулся и застрял в выходной двери, задерживая несколько выходящую публику. На минуту между выходной дверью и автомобилем, к которому направился Ленин образовалось пустое пространство. Каплан вынула из сумочки револьвер; выстрелив три раза, тяжело ранила Ленина. Бросилась бежать. Через несколько минут она остановилась и, обернувшись лицом к бегущим за нею, ждала пока ее арестуют. (Думаю, что Каплан остановилась, вспомнив свое решение не бежать и овладев собою). Каплан была арестована. На Новикова никто не обратил внимания.

После покушения я стянул всех боевиков на дачи. В газетах появились заявления Ц. К., что Партия не принимала участия в акте. Это произвело на нас ошеломляющие впечатление. Увидившись с Донским я с негодованием говорил ему о недопустимости таковою поведения Ц. К., считая это просто трусостью; указывал на честное слово Гоца. Донской об'яснил заявление Ц. К. тем, что Ц. К. считает недопустимым подвергнуть Партию, в случае отсутствия такого заявления, разгрому красного террора. Новикову Донской предложил описать акт и сдать материал в архив Партии. Отмечаю, что происшедшее вскоре убийство Урицкого

было произведено не нашей группой. (Думаю, что оно было организовано группой н.-с.).

Параллельно с подготовительной работой к покушению на Ленина, мы задумали, план организации крушения поезда Троцкого. Иным способом убить Троцкого было технически трудно. К тому-же мы считали полезным делом убить одновременно и сопровождавших Троцкого членов Реввоенсовета Республики. Мы создали для этого группу, в которую вошли Зубков, Томашевич, Рудаков и Иванова; группа прошла теоретический курс подрывного дела.

* * *

Военной работой в Москве в это время руководил Дашевский. Активными помощниками его были — Илья Минор (сын старика Минора) и Агапов. Военная работа, насколько мне известно, шла слабо. (Она велась совершенно отдельно от боевой работы). Делались попытки создавать ячейки в воинских частях, но реальных сил, на которые можно было бы опереться в случае выступления, не было. Были некоторые связи в военной среде; так, благодаря нашей старой петроградской связи со штабом Красной Армии, с.-р. Мартьянов (прапорщик, бывш. тов. прокурора Тифлиской судебной палаты) получил ответственный пост в Штабе, кажется, Восточного фронта. Через Мартьянова с.-р. полковник Махин был назначен командиром одной из армий Восточного фронта, стоящей около города Уфы. Выдвигая кандидатуру Махина, Ц. К. полагал, что Махин всеми зависящими от него мерами будет способствовать продвижению Народной Армии. Махин впоследствии с частью своего штаба, с планами и кассой перешел на сторону Народной Армии. Мартьянов и после этого перехода продолжал работать в Штабе. У одного из активных работников — телеграфиста — была значительная связь с Центральным Телеграфом. В виду этого все сводки военных операций непосредственно попадали в наши руки.

Военная организация брала деньги на работу, с ведома Центрального Комитета, от Французской миссии (через Датскую миссию). Мне было известно от Ильи Минора, что он по поручению Донского бывал в Датской миссии для получения денег от Французской миссии. У Донского и Тимофеева бывали деловые свидания с представителями Французской военной миссии. (Свидания происходили в квартире, где жила Каплан).

У Военной Организации была специальная подрывная группа, целью которой был подрыв поездов, которыми производили подвоз из Москвы на фронт снарядов, аммуниции, воинских частей. По словам Донского и двух активных работников группы, группа произвела крушение нескольких поездов и взорвала несколько маленьких мостиков по ж. д. линиям (при чем, как я узнал, после, однажды было произведено по ошибке крушение санитарного поезда). В подрывной группе было пять—шесть человек. Был химик, который приготовлял нужные снаряды. Часть подрывных материалов — пироксилин, гремучую ртуть, адские машины с часовым механизмом, как говорил мне химик, Военная Организация получала от Французской военной миссии, через одного француза работающего в разведывательном отделе миссии.

После покушения на Ленина для нас было очевидно, что Ц. К. откажется и от всякого нового акта. Но покушение на Троцкого мы разценивали только, как акт военно-стратегического характера и считали, поэтому, возможным произвести это покушение и при условии отказа от него Партии. В это время ожидался выезд Троцкого в Казань вместе с вновь назначенным командующим всеми вооруженными силами Республики Вацетисом и некоторыми видными военными работниками. Я решил устроить крушение этого поезда, считая, что это может иметь решающее значение для Восточного фронта. Предполагалось, что поезд пойдет по Казанской ж. д. В ночь выезда поезда группа боевиков во главе с Ивановой и Зубковым отправилась со взрывчатыми веществами на полотно Казанской ж. д. (недалеко от Томилино) и приготовила все к крушению поезда. Я допускал, что поезд может быть переведен с Казанского вокзала на другую ж.-д. ветку. На этот случай я послал на Казанский вокзал Коноплеву и Королева, которые должны были убить Троцкого; стрелять должна была Коноплева, а в случае ее промаха — Королев. Покушение не удалось, т. к. поезд Троцкого неожиданно пошел с Нижегородского вокзала.

IX.

Наша Боевая Группа была весьма спаяна и дисциплинирована, готова психологически в любой момент к действию. После покушения на Ленина, главным образом, в виду отречения Партии от акта, отчасти, благодаря неудачам покушения на Ленина и Троцкого, настроение группы стало меняться в сторону вялости; спаянность стала падать. К этому времени в группу вошла приехавшая из Крыма Фаня Став-

ская — подруга Каплан по каторге. На собрании боевой группы был поставлен вопрос о том, продолжать ли террористическую работу. Большинство группы считало, что террористические акты, при условии отказа от них Партии, при условии, что они являются делом частно-групповым, не будут иметь достаточного политического значения; что, поэтому, террористическую работу следует прекратить. Часть из нас, придавая большое значение актам для подрыва Советской Власти, считали нужным продолжать работу вопреки отказа Ц. К. (На этой точке зрения стояли: Я, Коноплева, Иванова, Ставска и Королев). Все мы относились отрицательно к новой коалиции партии с правыми партиями (Уфимская директория Авксентьева). В связи с этим большинство боевиков считало нужным переброситься для работы по ту сторону фронта. Я решил продолжать террористическую работу с боевиками, которые были за ее продолжение, остальных перебросить через фронт. Для того и для другого нужны были деньги. Касса Партии была пуста. Мы решили произвести несколько экспроприаций. Центральный Комитет одобрил.

Мы наметили экспроприацию кассы Губпродкома. Деньги кассы хранились в несгораемом шкафу. Мы решили явиться ночью с соответствующим аппаратом и выплавить замок шкафа. Аппарат мы специально приобрели через одного уголовного типа, которого нам указал Пепеляев. (Донской был в курсе дела, ассигновал деньги на аппарат). С охраной Губпродкома, с ея начальником мы сговорились. Они должны были получить два миллиона и паспорта, чтобы скрыться. Начальник охраны привел двоих из нас Федорова и Зубкова к кассе. Шестеро вооруженных боевиков стояли у входа: Я, Королев, Зеленков, Усов, Коноплева и Иванова. Наполовину замок был расплавлен, дальше не хватило кислорода в аппарате и пришлось бросить. (Дежурные охраны на утро были арестованы).

Мы узнали от того же уголовного типа, что верстах в 20-ти от Москвы по Саратовской ж. д. живет богатый спекулянт, который якобы в большом количестве хранит деньги дома. Отправились для экспроприации Я, Усов, Зеленков, Пепеляев и Федоров. Явились ночью под видом обыска. Дверь нам не открывали. Мы ее взломали, купец умер от разрыва сердца. Взяли тысяч 20; остальные деньги, как оказалось, были в банке (мы видели банковую книжку). Донскому об этой экспропriации я не сообщил. Слишком незначительными были результаты. Деньги оставил для нужд боевой организаций.

Пепеляев узнал от начальника почтового отделения на

углу Камергерского переулка и Тверской улицы, что в почтовом отделении есть 200—300 тысяч денег. Осмотрев почтовое отделение я счел экспроприацию технически возможной. Утром, как только открылось отделение, туда явились я, Королев, Зеленков, Зубков и один из боевиков Невско-Заставского района. Мы были вооружены маузерами и браунингами, имели с собою две бомбы. В конторе, помимо служащих, было восемь—девять человек публики. Мы закрыли входную дверь на крючок. так что у приходящей публики получалось впечатление, что отделение еще закрыто. Крикнули «руки вверх». Все немедленно подчинились. Обезоружили одного из служащих, у которого оказался револьвер. При общем перепуге без сопротивления взяли находившиеся в кассе деньги в количестве около ста тысяч и скрылись через заднюю дверь. По соглашению с Донским эти деньги были оставлены для боевой организации. (Это происходило приблизительно в начале августа 1918 г.). После этих экспроприаций часть боевиков, до ожидаемой переброски их через фронт, я распустил по домам.

В это время готовилась выдача Германии по Брестскому миру часть золотого запаса. Я решил экспроприировать его, устроив при перевозке крушение поезда. (Брестский мир я не признавал, на выдачу золота смотрел, как на расхищение народного достояния). Перевозка предполагалась по Александровской ж. д. О дне, когда пойдет поезд, должен был сообщить служивший в Управлении Александровской ж. д. с.-р., (в Управлении день был бы известен). Я обследовал полотно Александровской дороги под Московой и выбрал удобное место с достаточным откосом. Сочувствовавший партии шоффер, служивший в каком то кооперативе, должен был подать к месту крушения автомобиль кооператива и увезти золото.

На ряду с этим я намечал экспроприацию в Главсахаре (по Покровскому бульвару). Я узнал, что в Главсахаре ожидается получение около 10 миллионов руб. Осмотрев помещение Главсахара, я решил, что мы не сможем сделать экспроприацию в самом помещении: слишком сильная охрана, слишком много публики. Я проэктировал произвести экспроприяцию при перевозке денег в Главсахар. Эти последние проекты остались невыполненными.

В сентябре произошел провал. Сперва провал произошел в Саратове, и один из арестованных в Саратове (работавший прежде в Петрограде) стал выдавать, указал известный ему адрес одной из конспиративных московских квартир. По связи с этой квартирой были арестованы, я, Томашевич, Глад-

ного положения, которые давно поняли, что они являются игрушками в руках нескольких политиканов, но которым не хватает решимости открыто порвать со своей партией, признаться в своих ошибках и честно слиться со всеми истинными борцами за заветы Революции.

Должен оговорится, что в своих воспоминаниях я допускаю возможность некоторых недочетов и мелких неправильностей (даты и т. д.), которые я, в случае их обнаружения, постараюсь исправить. Что же касается основных фактов, то они изложены мною безусловно правильно.

* * *

Я открыто заявляю, что несу больше, чем кто либо другой, ответственности за содеянные П. С.-Р. преступления. Я эту ответственность перед Русской Революцией с себя не слагаю и по первому требованию Верховного Революционного Трибунала сочту себя обязанным вернуться в Советсткую Россию и понести заслуженное мною наказание.

Февраль, 1922 г. **Гр. Семенов (Васильев).**

В странах с высокой
валютой цена соответственно
повышается

Тип. Г. С. Германн и Ко., Берлин